

КОНФЛИКТ БИОЭТИЧЕСКИХ И ЕВГЕНИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ В АСПЕКТЕ КРИЗИСА СЕМЬИ

In this article the crisis of family is analyzed in its connection with actualization of new moral authorities, which realize dialogic principle of solution of ethic problems. This principle is opposed with so-called family mystery, the privacy of information, the confidentiality of private life of the individual. Mass-media and ethic committees can be considered as the instances, influencing greatly on social and moral processes, in particular adaptating in their discourse new forms of relationship and different, in comparison with traditional, comprehension of the essence of family, parental feelings and sexuality. The crisis of family and actualization of new moral authorities represent the diverse character of moral dynamics of the contemporary society, which permits the coexistence of different, in their humane potential, systems of values, formally realizing the same principles. On the whole the permission of these or those technologies, the formation of these or those types of identity are the result of social consensus, articulated or not, in which moral standards, preventing from legitimation of eugenic project, are got over.

Введение. Одной из наиболее значимых проблем в современном обществе является кризис семьи, традиционно выступающей в качестве ячейки формирования идентичности и осуществляющей трансляцию нравственного опыта. Социальный план данной проблемы связан с трансформациями мировоззренческого и аксиологического характера, изменениями в самих формах трансляции нравственных ценностей, в то время как биологический (репродуктивные возможности семьи) – с ухудшением экологических условий ее существования, развитием искусственных репродуктивных практик.

Основная часть. В Беларуси кризис семьи определяется высоким уровнем разводов, ростом внутрисемейных конфликтов, заболеваемости вследствие аварии на ЧАЭС. В целом по стране наблюдается снижение качества репродуктивного здоровья населения, увеличение бесплодия или частичного бесплодия. Недостаточна и репродуктивная культура части мужчин и женщин, характеризуемая огромным числом аборт и увеличением числа внебрачных детей [1]. Практически вся демографическая сфера оказывается в зоне бедствия.

Выход из этого кризиса связан с необходимостью становления новой стратегии решения демографических проблем, в рамках которой кризис семьи (в аспекте ее репродуктивного здоровья как одного из факторов общественного благополучия и устойчивости), в частности, и кризис демовоспроизводства в целом, в ряде государств связывается с принятием эвгенических решений. К числу таковых относятся те, которые предполагают проведение профилактических мероприятий, ориентированных на обеспечение качества будущих поколений, – генетические консультации, преимплантационная диагностика, выборочные аборты по медицинским показаниям и др.

Попытка рассмотрения и решения демографических проблем социума сквозь призму эвгенических принципов своей альтернативой

имеет апелляцию к биоэтике, задающей радикально иное видение этих проблем. Противоречия между биоэтикой и эвгеникой определяются невозможностью достижения этического и юридического консенсуса в вопросе о допустимости манипуляций с человеческим геномом: с одной стороны, это противоречие обусловлено фундаментальной установкой биоэтики, рассматривающей природное равенство людей как «эмпирический факт», с другой – прямо противоположным подходом эвгеники к решению этого вопроса, имеющим в своей основе постулат о биологической неравноценности живущих [2]. Рациональный аргумент, выдвигаемый эвгениками в защиту своей позиции, заключается в попытке обосновать положение о том, что лотерея природы современный индивид может противопоставить мощь науки в виде революционных достижений в молекулярной биологии, которые способны обеспечить качество будущего потомства. Формирующаяся аксиология либеральной эвгеники ориентирована на то, чтобы исключить дискриминацию лиц, страдающих заболеваниями, из социальной практики. Эвгенические мероприятия должны быть нацелены на болезнь, а не на саму жертву – такова новая формула адаптации эвгенических идей в контексте альтернативной модели демовоспроизводства для общественного сознания [3].

Более того, аргументом, усиливающим позицию эвгеники по вопросам демографической политики, является сущность проблем, которыми занимается биоэтика, рефлексировавшая над достижениями в области технологий жизни и смерти. Биоэтические проблемы указывают на существование четко выраженной ценностной асимметрии между полноценной и ущербной жизнью: новые медицинские технологии ориентированы уже не столько на исправление, сколько на исключение самой возможности появления генетических дефектов. Здесь с очевидностью не соблюдаются основные принципы экологической этики – принцип благоговения

перед жизнью (его дискредитация осуществляется уже манипуляциями на уровне эмбриона) и принцип равноценности живущих существ, вступающие в противоречие с конкретными социальными мероприятиями. Это рассогласование в сложившейся ситуации этической неопределенности в отношении к вопросам жизни и смерти может стать условием для реализации евгенического проекта в его наиболее деструктивных формах.

Внедрение новых биотехнологий в социальную практику опосредованно способствует возникновению ряда проблем, связанных с поисками идентичности в современном обществе. Классические евгенические технологии, включавшиеся в программы демографической политики государства, были ориентированы на конкретные телесные и социальные параметры (предполагали четкие модели для идентификации и имплицитно коррелирующей с ними образ тела) – «рабочий» и «колхозница», «истинный ариец», «нордический тип». Специфика моделей, благодаря которым выстраивалось самопонимание человека, свидетельствует о существовании вполне однозначных социальных стандартов, а также связанных с ними нравственных стратегий. При этом само тело, выступая основным фактором конструирования идентичности, служило точкой отсчета, определяющей основания антропологической сущности и социальных предпочтений.

В настоящее время осуществляется своеобразная виртуализация тела: из наличного, естественного плана бытия человек выходит в область желаемого и возможного. Однако, в отличие от классической евгеники, объектом генетических манипуляций становится не готовый человек как носитель желаемых качеств, а его эмбрион. Вместе с тем наличие стандартизированных социальных образцов поставлено под сомнение в связи с формированием феномена «мерцающей идентичности», а также коррелирующих с ним нравственных форм поведения. Термин «мерцающая идентичность» соответствует ситуации выбора идентичностей из множества возможных, состоянию экспериментирования с «Я», связанному с феноменом утраты тела. Многообразные техники радикального преобразования тела, возможность выбора пола, осуществление вторжения в работу интимных биохимических механизмов, вмешательство в процессы эволюции человечества как вида через качественный и количественный контроль рождаемости являются аспектами подчинения природы человека, вызывающими системный кризис его идентичности [4]. «Я», определяемое естественным планом бытия, основой которого является данное и заданное природой, своей альтернативой имеет «Я», сознательно конструируемое уже на начальных

этапах формирования идентичности (на стадии эмбриональной жизни): жизнь, не соответствующая определению полноценности, имеет гораздо меньше шансов на реализацию.

Данная ситуация (игра с идентичностью) описывает одну из основных опасностей, возникающих вследствие трансформации сценариев формирования идентичности в точке бифуркации общества: традиционные способы ее конструирования (задаваемые, в первую очередь, в семье как микромоделю социума) уже не выполняют своей задачи, так как не соответствуют реалиям современного общества, или безнадежно устарели в контексте его новых возможностей. В этом аспекте новые формы семьи (гомосексуальные, семьи с одним родителем, те, в которых роли супругов четко не определены в дефинициях мужского и женского и др.) не могут моделировать устойчивые образцы для идентификации, они, скорее, реализуют один из главных принципов современного общества – свободу самовыражения и самоопределения.

Следовательно, ситуация этической неопределенности задается не только неоднозначным отношением к новым возможностям науки, но и сопутствующими социальными факторами: способ формирования нравственных ценностей в современных условиях подразумевает изменение самого характера их функционирования и природы. Если прежде семья обладала высоким нравственным авторитетом, то в настоящее время в рассмотрении ряда этических проблем ее решения могут определяться другими инстанциями, в которых акцентируется дискуссионный характер нравственной проблематики.

Современный мир изменяется настолько быстро и радикально, что передача молодежи традиционных ценностей означает наделение ее нормами, на основе которых современные проблемы решены быть не могут. В итоге появляются новые трансляторы моделей поведения и связанные с ними ценностные предпочтения, не укорененные на уровне семьи. В числе таких инстанций, оказывающих широкое влияние на общественные и духовные процессы, в частности, адаптирующие в своем дискурсе новые формы родства (расколотого), а также иное, по сравнению с традиционным, понимание сути семьи, можно рассматривать СМИ и этические «комитеты». По замечанию М. Маклюэна, погружение нравственного явления в контекст СМИ может существенно изменять его природу, превращая в рекламный продукт. При этом трансформируется не только способ выражения нравственных представлений, но и их содержание. В научной практике примером может служить прецедент с сектой Раэлианс, когда родственные чувства были ис-

пользованы в рекламе новых технологий репродукции – клонирования умерших людей.

Перечисленные аспекты (способ выражения нравственных приоритетов и их семантика) претерпевают изменения, и благодаря деятельности этических «комитетов», комиссий по экологии, решение в которых принимается на основе открытого обсуждения мировоззренческих позиций всех заинтересованных сторон, этот диалогический принцип противопоставляется так называемой «семейной тайне», конфиденциальности личной жизни индивида. В результате усиливается конвенциональный характер нравственных ценностей, рассматриваемых как предмет соглашения. В определенном смысле этические «комитеты» могут оказывать влияние на нравственный выбор в самой семье (через консультации или рекомендации).

Актуализация новых авторитетов в вопросах нравственного порядка своей предпосылкой имеет не только кризис семьи как ячейки идентичности, но и то обстоятельство, что любая попытка оптимизации репродуктивной функции человека и внедрения новых репродуктивных технологий в социальную практику предполагает необходимость легитимации, одобрения обществом тех или иных нововведений с помощью правового или этического дискурса. Осуществление данной задачи (легитимация новых технологий) инициирует формирование, во-первых, таких принципов, которые бы оказались приемлемыми для общественного сознания (и в плане их представления, и в плане их содержания), и, во-вторых, соответствующего дискурса, пространство для реализации которого и задается деятельностью новых институтов нравственности.

Способ легитимации новых методов репродукции и других технологий, радикально меняющих возможности человека и саму его природу, имплицитно детерминируется самим характером динамики ценностных предпочтений. Учитывая огромную инерциальность этой динамики, можно утверждать, что нравственное обоснование необходимости оптимизации репродуктивной сферы социума будет сопрягаться с резонансным включением традиционных этических принципов в структуру новых. В свете сказанного ориентация на этику блага в аксиологии современной культуры оказывается сопряженной с постоянной апелляцией к основным принципам ригористической этики, характерной для культуры модерна. Мотив должного представлен, в первую очередь, в экологическом императиве – требовании, ориентированном на должное в общем, стратегическом, для человечества смысле. Оно аккумулирует в себе апелляцию к общечеловеческим ценностям и аксиологию биоэтики. Однако поскольку данная стратегическая установка,

задающая вектор этическим стандартам современной цивилизации (репрезентируемая в экологическом императиве), вступает в противоречие с социальной практикой, то при рассмотрении перспектив следует учитывать не только пожелания должного, но и тенденции сущего.

Одной из основных «тенденций сущего» на сегодняшний день является технологизация системы ценностей. «Новые нравственные авторитеты» не только способствуют укоренению этой тенденции, но являются и ее выразителями: сам способ решения нравственных проблем в них предполагает не столько использование каких-то инвариантных этических принципов, сколько создание сценариев решения конкретных вопросов. Истоки указанной тенденции восходят к феномену «монокаузального экономического», означающего, что, независимо от декларируемых ценностных предпочтений, люди (как потребители) сегодня практически воспроизводят определяющее значение экономических отношений в своей жизни. Мировой рынок хотя и не задает определенной системы нравственных ценностей, но определяет способ их существования, в результате чего они начинают играть чисто инструментальную роль, а именно: востребованы те принципы, которые в той или иной конкретной ситуации обеспечивают максимум блага или успеха. В итоге идея блага в современном «экономическом универсуме» начинает коррелировать с принципом успеха. В частности, выживание общества в современных условиях четко ассоциировано с благом для всего человечества, выражающегося в принципе «поддержания подлинно человеческого существования на земле». Подобная транскрипция в своем имплицитном выражении содержит противоречие: успех (количество блага, рассматриваемое ситуативно) определяется как результат конкретных действий человека, оптимальных для данной ситуации, однако для его достижения зачастую требуется пренебрежение теми ценностями, которые и составляли нравственный стержень личности, определяли сущность того, что называют человечностью.

Появление корреляций между понятиями успеха и блага, рассмотрение первого в качестве одного из критериев морально оправданного поведения обуславливает возникновение ситуации «смерти Субъекта», в которой индивид выступает в качестве актора нравственности, что позволяет наполнить идею блага новым содержанием: она соотносится не с мотивами поведения, а с его последствиями, которые могут быть как благими для человечества, так и несовместимыми с его существованием. В этом контексте происходит усиление технологической составляющей любой ценностной системы, поскольку в сложном мире не существует универсальной схемы решения проблем, а

имеется точка бифуркации (сама кризисная ситуация) и возможные варианты выхода из нее, один из которых выявляется сквозь призму согласия всех участников [5].

По сути, данная ситуация соответствует представлениям о ризоме ценностей, вследствие чего обе аксиологические модели, представленные в биоэтике и евгенике, получают равное право на существование и в перспективе могут быть легитимированы, так как мораль, соответствующая плюральному миру, нелинейной реальности, формирующая феномен нравственности, имманентно реализующейся в социальных процессах, допускает взаимодействие множества альтернативных ценностных моделей. При этом принципы, ею постулируемые и поддерживаемые (в частности, принцип диалогизма), репрезентируются и в биоэтике, и в евгенике как общие тенденции в конфигурации современной аксиологии.

Заключение. Итак, в ситуации, характеризующейся как «смерть Субъекта», «ризома ценностей», аксиология евгеники получает практически равное право на существование с ценностными принципами биоэтики. Применение тех или иных репродуктивных технологий, формирование тех или иных типов идентичности становится результатом общественного консенсу-

са, артикулированного или нет, в котором и преодолеваются нравственные нормы, препятствующие легитимации евгенического проекта. Кризис семьи, актуализация новых нравственных авторитетов репрезентируют неоднозначный характер нравственной динамики глобализирующегося общества, допускающего сосуществование различных по своему гуманистическому потенциалу систем ценностей, формально реализующих одни и те же принципы.

Литература

1. Никитенко, П. Г. Демографические проблемы социума: состояние и тенденции развития в Республике Беларусь / П. Г. Никитенко, А. А. Раков. – Минск: Право и экономика, 2005. – С. 34–35.
2. Хен, Ю. В. Философский анализ евгенических представлений / Ю. В. Хен. – М., 2005. – С. 8.
3. Глэд, Д. Будущая эволюция человека / Д. Глэд. – М.: Захаров, 2005. – С. 41–43.
4. Сидорова, Т. А. Идентичность человека в контексте проблемы начала жизни в биоэтике / Т. А. Сидорова. – М., 2005. – С. 4, 26.
5. Философия. Глобализация. Интеграция: монография / под общ. ред. В. И. Чуешова. – Минск, 2006. – С. 103–122.